

Кровь красная чернилами мне стала

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Кровь красная чернилами мне стала КРОВЬ КРАСНАЯ ЧЕРНИЛАМИ МНЕ СТАЛА

Двадцать лет не упоминалось в туркменской советской литературе имя председателя правления Союза писателей ТССР, поэта-коммуниста Ходжанепеса Чарыева, потому что в 1937 году он был репрессирован как «враг народа». И лишь после XX съезда КПСС, когда партия осудила культ личности Сталина, Ходжанепес Чарьев был реабилитирован. Его имя стало появляться в печати и в работах литературоведов.

Жена Ходжанепеса Чарыева Абадан-эдже живет в Ашхабаде. Когда Ходжанепеса Чарыева как «врага народа» упекли в тюрьму, ей было 27. Сейчас – 79. Более полувека она не теряла надежды на встречу с мужем.

Недавно журналист Аллаяр Чуриев встретился с Абадан-эдже. Ниже публикуется запись их беседы.

* * *

Мы жили на улице Энгельса. Ночью неожиданно постучали в дверь. Когда мы открыли ее, на пороге стояли три человека. А у меня на руках маленькие дети и пятимесячная беременность. Ходжанепес в это время писал. Эти трое вошли в дом и прошли в комнату, в которой работал муж. Я не имела привычки заходить к нему, когда он работал. Но в этот раз сердце почуяло неладное, и я пошла следом за ними. Они бросили перед Ходжанепесом какой-то листок. Он прочитал его, потом закрыл то, что писал, и ответил: «Пожалуйста. Проверяйте». Пришедшие проверили все, что было в доме: вплоть до одежды, вплоть до книг. Даже спички все высыпали. Я тогда спросила у Ходжанепеса: «Что это все значит?» А он в ответ: «Ай, придет время, все выяснится».

Ничего те трое не нашли. И сказали ему «Собирайся». Сами же сказали, что ему надо взять с собой. Что велели, он взял с собой, чего не велели – не брал.

Ходжанепеса увели. А у молодой женщины начались бесконечные мучения. Никто не хотел ее понимать, никто не хотел слушать о ее мытарствах. Даже соседи, которые еще вчера были очень дружны с ней, сегодня из-за боязни отвернулись от нее. Даже сосед-поэт, который работал вместе с Ходжанепесом, старался не показываться на глаза.

Однажды ее вызвали в суд. Она пришла туда вместе с детьми, чтобы услышать.

– Ты – жена врага народа. Освобождай квартиру и живи, где хочешь.

Ей не оставалось ничего другого как сказать:

– Ну, если надо, освобожу. Но мне идти некуда, разве что и меня к Ходжанепесу отправите.

– Нам до этого нет никакого дела, ты нам квартиру освободи, – хладнокровно велели ей...

Она чуть ли не каждый день ходит в тюрьму, надеясь увидеть Ходжанепеса. И каждый раз возвращается оттуда удрученной. В конце концов поняв бесплодность своих попыток увидеться с мужем, Абадан уезжает в село к родственникам мужа. С собой увозит часть книг Ходжанепеса. А те, что не смогла увезти, жена поэта Ата Ниязова предложила оставить у них на хранение.

Выброшенная с двумя детьми на улицу, беременная Абадан нашла приют у единственной сестры Ходжанепеса Джерен, которая жила в Бахардене. Она работала в колхозе. Была передовиком производства. Но несчастье не обходит стороной. Как сестру «врага народа» ее выгоняют из колхоза. Тогда две женщины берут в ковровой артели нитки, чтобы соткать ковер.

Абадан родила третьего ребенка. Сельские жители, собравшись, нарекли Шат (радость), чтобы жизнь его была радостной. Но он прожил на свете всего три года и умер от кори.

После рождения ребенка она снова начинает ткать ковры. Однажды, когда они ткали ковер, в дом вошел председатель сельсовета, который привел с собой еще троих. Один из них был с погонами, чем вызвал замешательство Абадан.

– Увидев его погоны, я испугалась. В голову пришла мысль, что пришли за мной. «Джерен, – говорю, – их надо будет взять с собой. Ты собери их одежду». А она: «Ах, Абадан, не говори так!» А те стоят перед окном. Потом вошли. Оказывается председатель сельсовета показывал дома. Спросили. «Дети, которых вы видите, наши», – сказали. Оказывается, они переписывали дома тех, кого забрали...

Две женщины выбивались из сил, трудясь днем и ночью, а сами все время смотрели на дорогу. Если кто-то возвращался домой из тюрьмы, они обязательно спрашивали у него про Ходжанепеса. Однажды получили добрую весточку. Абадан прослышала, что человек, сидевший вместе с Ходжанепесом, отсидел свой срок и вернулся домой в Ашхабад, а жена его трудится на ковровой фабрике. Она тот час собралась в путь. Нашла женщину-ковровщицу. Та сказала, что ее муж вернулся из тюрьмы и через пятнадцать дней скончался. Сказала, что он сидел вместе с поэтом по имени Ходжанепес, который передал с ним своей жене письмо и ручку. С этими словами она вручила Абадан ручку. С сожалением сказала о том, что письмо затерялось.

Абадан пять лет ездила из Бахардена в Ашхабадскую тюрьму. Вначале ей по счастливилось один раз увидеть его. Когда она пришла в комнату свиданий, туда вместе с Ходжанепесом привели еще двух заключенных. Руки за спиной, рядом конвойные, он сразу же направился к жене. Но между ними деревянный барьер. Поэт осторожно огляделся по сторонам и тихо сказал: «Сможешь ли ты взять то, что я тебе передам? Только ничего не бойся!» Сказал он это на туркменском языке, поэтому конвейный ничего не понял. «Конечно, возьму, почему же не взять!» – ответила я. На руках у Абадан был маленький ребенок. Ходжанепес тихонько бросил в ее сторону что-то маленькое. А она наклонилась вниз, будто упала пеленка ребенка, и подняла. Сунула сразу же в пеленку ребенка. Придя домой, развернула записку. Там оказались стихи. Женщины прочитали эти стихи. Поплакали. Снова читали, снова плакали. На всю жизнь Абадан запомнилась одна строка из этих стихов: «Кровь красная чернилами мне стала...»

Абадан-эдже вырастила двух сыновей. Старший – Эдип Чарыев работал в Бахардене врачом. В 1983 году скоропостижно

скончался. Младший Азат – окончил политехнический институт и работает механиком. Старшего внука Абадан-эдже назвала именем Ходжанепеса. Он сейчас служит в армии.

Рассказ старой женщины, мужественно прошедшей по трудным дорогам жизни и сохранившей свое достоинство, взволновал меня. Даже в самые тяжелые дни силы ей придавал отважный облик Ходжанепеса, сказанные им слова. Она сохранила клюшку, которую муж привез из курорта. Это единственная память, оставшаяся от него. А нынче эта клюшка помогает ходить семидесятидевятилетней женщине...

А.Чуриев.

«Вечерний Ашхабад» 28.09. 1989 год. Taryhy makalalar